Г. Г. Нейгауз о проблемах

исполнительства

к 90-летию со дня рождения

12 апреля исполнилось 90 лет дия рождения выдающегося музыканта Генриха Густавовича Нейгауза. Г. Г. Нейгауз — явление редкое. Превосходный, тонкий и пламенный пианист, создатель одной из самых знаменитых советских пианистических школ, глубокий музыкальный писатель — во всем он был художником-творцом.

ПОВ ТВОРДОМ:

С 1922 года и до конца жизни
Г. Г. Нейгауз работал в Московской консерватории. Личное обаяние, ум, чуткость, безупречный вкус, наконец, редкие познания привлекали нему учеников, которыми ныне гор-дится весь мир. На протяжении дится весь мир. На протяжении всей своей жизни Нейгауз писал статьи и очерки, в которых затрагинаиболее острые вопросы музыкальной жизни, музыкальной педагогики.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из статей, написанных в разные годы жизни и опубликованные в сборнике «Г.Г. Нейгауз. Размышления, воспоминания, дневни-ки, избранные статьи, письма к родителям», Изд. «Советский компо-зитор», М., 1975.

Искусство — та же жизнь, только в высоком ее проявлении,— некая кристаллизация жизни, подчиненная тем же диалектическим нак и все, что мы называем приро-дой, включая человека— «меру ве-шей», как говорили древние,— чещей», как говорили древние,— че-ловека: творца мысли, творца искусства.

Глубочайшие связи между **жиз-**нью — историей, изменениями в общественном строе, политическими тенденциями, разными науками, экономикой и т. д.— и **искусством** каждой эпохи, вскрытые Марксом, Энгельсом, Лениным,— тема, всегда заставляющая думать и пытаться понять эти явления, найти их общие

корни.

Я думаю, что между развитием, жизненным процессом, живого существа и развитием симфонии, по-эмы, драмы, Пятой Бетховена или Четвертой Шостаковии» эмы, драмы, Пятой Бетховена или Четвертой Шостаковича, или «Медного всадника», «Гамлета» и «Войны и мира»... существует глубокая связь — здесь налицо удивительная аналогия, везде властвуют — под-спудно, загадочно, таинственно и неумолимо — одни и те же законы, законы, открытые и созданные ловеком во имя человека...

Одним из главных достоинств учения Маркса было, как известно, то, что благодаря философии диалектического материализма и вскрытию экономических законов всей рии человечества, оно впервые осо-знало, поняло ее, а осознав, сумело не только «понять действитель-ность, но и изменить ее». Когда я впервые узнал эту формулу, я сра-зу понял, что это формулу творче-ства в любой области, именно по-нять и изменить! Кто не понимает и пытается изменить, тот впадает в ошибки; в искусстве они называють ся формализмом или еще как-ни-будь. Я уверен, что и Гете и Пуш-кин, любой великий художник, великий художник — всегда великий мудрец — подписался бы под этой формулой. Какие же выводы из этого должен сделать художник-исполго должен сделать художник-испол-нитель? Первый вывод. Как можно глубже, шире и точнее понять ис-полняемое (понять для художника значит всегда пережить), т. е. по-нять автора, его средства выражения, его эпоху и т. д. Все это ведь и есть та действительность, которую исполнитель воспроизводит, излага-ет, вносит в мир, и при этом неиз-бежно изменяет ее. Вывод второй. Обостренное чувство истории, воспитуемое учением Маркса и Энгельса, ставят перед художником-исполнителем труднейшую ником-исполнителем труднейшую задачу: передавать исполняемое не только формально верно, но и с той убежденностью, с той, я бы ска-зал, «верой», с тем вдохновением, с какими оно было создано авторас какими оно овла страни не только короче, передавать не только оно готовое произведение, материнско-авторского вышло ИЗ чрева композитора, но и чувства, сопутствующие его **зачатию,** чувства любви и радости.

Я уверен, что глубокое знание и чувство истории, а я подразумеваю под нею прошлое и настоящее и

даже предвидимое будущее, нее, некое «таинственное» знание чувство человеческой души, прос чувство человеческой души, просто ЧЕЛОВЕКА, независимо от того, ко-гда он жил, в доисторическую эпо-ху или в наши дни; я уверен, что художнику, если он не зря носит это имя, такое познание должно быть свойственно больше, чем лю-бому другому человеку, даже больше, чем ученому. За примера-ми недалеко ходить: гениальная актриса Элеонора Дузе умела пере-давать любую женскую роль — от Антигоны до ибсеновской Норы, как свое личное переживание и позна-ние, в любой роли она говорила от первого лица, и не было человека, который бы не поверил ей. Так же Рихтер — он способен с одинаковой убедительностью исполнять букчеловеческой души, просто исполнять убедительностью вально всю музыкальную литерату-ру — от ее истоков до наших дней. Вот это я называю исторический буквот это я называю историческим познанием, историческим чувством художника. Это значит, что такой художника. Это значит, что такой художник обладает огромным умом, чувством, воображением, способыстью понимать и жизнь, и отражение ее в искусстве, что он «обнимать изсе, что вностью в мир: что он духовно владеет всем в мир: что он духовно владеет всем этим, что в нем заложена загадочная сила, дающая ему возможность и право владения им.

Эстетика поведения за роялем вопрос столь же важный, как эстетика аппликатуры, ибо — повторяю — игра на рояле есть искусство, не только «двигательная энергия, превращенная в звуковую». В искусстве все должно быть эстетично. враци. ве все должно быть Ученик должен раз навсегда по-чать, что внешнее изображение чать, что внешнее изображение ученик должен раз навсегда по-нять, что внешнее изображение чувств, переживаний и мыслей, не воплощенных в самой игре, в ис-полнении, равносильно вранью, что, кроме того, это просто неприлично, свидетельствует о плохом воспита-нии и вкусе. Если ты по натуре сдержанный и скромный, сиди гы по натуре скромный, сили скромно, если тебя обуревают стра-сти — действительные, не воображаемые страсти, не ущемляй выра-жение их отвлеченным императивом спокойствия и «благородства».

Большому пианисту нужна боль-шая работа не только потому, что «повторение мать учения», но того, чтобы создать, испытат испытать, того, чтобі пробовать множество вариантов мельчайших отклонений генеральной линии», иногда существеных ее изменений. Напрашивает-ся «странный вывод»: чем больше дарование, тем больше работы, усердия, преодоления. Можно без особого преувеличения сказать, что усердия, гениальному именно исполнителю не хватает техники: полного, совер-шенного претворения «плоти в дух». В природе гения лежит требование невозможного (совершенство может быть достигнуто) — вот жупел. Кому выпала доля носить на своих плечах бремя высокого искусства, тот не впадает в зазнайство (совет некоторым молодым музыкантам!!).